

Хань Сю вздохнул, на его лице появилась тень беспокойства:

— В конечном счёте, ты хочешь, чтобы я поступил благодаря твоим связям... А Сюй, мои познания в этом ограничиваются скудными знаниями до пяти лет, да и теми я пренебрегал много лет. Боюсь, что даже поступив в этот университет, о котором мечтают многие студенты, в конце концов, это будет лишь пустой тратой времени, и я разочарую твои ожидания...

Его брови нахмурились, и сердце Тун Сюй сжалось от тревоги.

Он готов был поклясться, но не знал, как это сделать в такой ситуации. Тот спокойный и строгий образ, который он видел при первой встрече, казалось, полностью исчез, оставив лишь молодого человека, ослепленного любовью.

Лишь когда Хань Сюй наконец не смог больше сдерживаться и, прислонившись к нему, начал смеяться, прикрывая живот руками, Тун Сюй вдруг понял, что Хань Сю действительно отпустил свои переживания и что он просто шутил.

— Раз я сам пошёл покупать эти книги, ты думаешь, я бы стал делать что-то без уверенности? Дурачок!

Новость о том, что Ци Цунсюэ оставил сцену, быстро распространилась по всему Пекину, взволновав сердца многих поклонников театра, независимо от возраста и пола. Эта новость была внезапной и абсурдной.

День, два.

Сначала это казалось слухом, но он продолжал распространяться с невероятной устойчивостью, разрастаясь и усиливаясь.

В конце концов, труппа Ци Цунсюэ выступила с заявлением, просто подтвердив эту новость:

— Господин Ци по состоянию здоровья больше не может петь.

Сейчас времена изменились. Хотя актеры в глазах людей всё ещё принадлежат к низшим слоям общества, по крайней мере юридически профессии не делятся на благородные и низкие. Поэтому больше нет различия между подлым и официальным статусом. Ци Цунсюэ решил оставить сцену, никто не мог ему запретить, тем более что за ним стоял Тун Сюй, сын высокопоставленного чиновника и будущий наследник Армии Бэйнин.

Когда третий господин узнал об этом, всё уже было решено. Он устроил скандал в опустевшем театре, дрожащим пальцем указывая на склонившегося в поклоне руководителя труппы:

— Ну ты, Чжань Баньшань! Предатель, ты забыл, кто твоя опора!

Господин Чжань, сгорбившись, с грустным лицом ответил:

— Третий господин, успокойтесь, успокойтесь. Господин Ци всегда был человеком с сильным характером, вы это знаете. Этот парень упрям, если он что-то решил, его не переубедить. Если он хочет сменить профессию, даже если я буду стоять у его дома, он найдёт способ изменить свои данные в государственных органах. Кроме того, за ним стоит господин Тун, кто посмеет сказать ему «нет»?

— Ты! — гневно замахнулся третий господин. — Но я до этого даже не получил ни одного

сообщения!

Он только что вернулся в столицу после выполнения дела и хотел использовать связи Ци Цунсюэ, чтобы наладить отношения с Тун Сюй. Но не успел он выйти из дома, как к нему пришли несколько «партнёров» по бизнесу. Увидев его, они сразу же начали сыпать ядовитыми комплиментами:

— Третий господин, какой вы великодушный!

— Вырастили такого актера, а господин Тун даже не попросил, а вы уже отдали!

— Сколько же вы получили от этой сделки, что смогли так легко расстаться?

Потребовалось немало времени, чтобы он понял, что произошло, и он был в ярости.

Этот Ци Цунсюэ! Настоящий бунтарь с высокими амбициями! Он воспользовался тем, что я был за пределами столицы, и оставил сцену!

Он вспомнил, как Ци Цунсюэ отказался от приглашения президентского дворца и вместо этого связался с господином Тун. Прошло полгода, и президентская сторона пошла на спад, а семья Тунов процветала, занимая влиятельные позиции в политике, армии и бизнесе.

Даже он не мог не признать, что у Ци Цунсюэ отличное чутьё!

Однако, если у Ци Цунсюэ такой острый ум, то он больше не верил, что тот глупец, который всегда слушался его, был настоящим Ци Цунсюэ. Вероятно, этот парень давно затаил против него злобу и только притворялся наивным. Если у него такая хитрость, то, вероятно, опиум уже не может контролировать его — нет, он никогда не позволял ему испытывать ломку, чтобы тот не зависел от него. Возможно, он даже никогда не был зависим! Раньше он защищал его, но теперь за ним стоит Тун Сюй. В возрасте 21 года он решил уйти, и никто не скажет, что он больше не может петь, а будут помнить только его прекрасный голос. Он смог стать обычным гражданином, и все блага достались ему!

Смешно, что он, считая себя хитрым и опытным, оказался обманут этим молодым человеком, потратив на него три года и нажив множество врагов!

Неблагодарный предатель!

В этот момент руководитель труппы Чжань Баньшань вдруг сказал:

— Но, третий господин, я отправил телеграмму несколько дней назад, это... мы действительно не скрывали от вас новости!

Третий господин был в ярости, на его лице отражалась злоба. Он повернулся и с гневом посмотрел на своих молчаливых слуг:

— Чжань Баньшань говорит правду?

Никто не ответил.

— Хорошо, хорошо! Вы теперь все вместе против меня! Мои слова больше ничего не значат?

Объект гнева третьего господина уже спокойно сидел в кабинете ректора Столичного университета, благодаря рекомендательному письму Тун Сюй.

Ректор был элегантным мужчиной средних лет, немного худощавым, с седыми волосами и золотой оправой очков на носу. Его одежда была аккуратной и соответствовала всем представлениям о профессоре университета.

Он положил рекомендательное письмо на стол и посмотрел на двух молодых людей, сидящих перед ним.

Подумав, он мягко сказал:

— Я хорошо знаю способности господина Тун. Вы вернулись из Германии и применили свои знания в Армии Бэйнин. Мои коллеги в Германии и командующий Сун отзываются о вас с большим уважением. Но, простите за мой вопрос, почему вы хотите рекомендовать господина Ци в наш университет?

Прошло почти четыре месяца с тех пор, как они в последний раз брали отчёт в больнице. За это время Хань Сю постепенно сокращал свои выступления, чтобы труппа могла спокойно адаптироваться. Тун Сюй и Хань Сю стали жить вместе. Благодаря этому Тун Сюй ещё больше убедился в том, что его возлюбленный с невероятной скоростью поглощает знания.

Если вначале, после того как он предложил помочь Ци Цунсюэ поступить в Столичный университет, он на мгновение пожалел о том, что поддался «ослеплению красотой», то теперь он мог с уверенностью сказать, что даже без его помощи Ци Цунсюэ однажды смог бы поступить в любой университет мира.

Это осознание наполняло его гордостью, но также и лёгкой горечью.

Но сейчас он мог с гордостью сидеть здесь и открыто говорить ректору:

— Господин ректор, я рекомендую Цунсюэ, потому что он достоин этой рекомендации.

Ректор был удивлен этим ответом.

В Столичном университете, по крайней мере в то время, не было недостатка в «блатниках». Чтобы сохранить этот новый университет в период политических интриг последних лет династии Цин, руководству приходилось принимать некоторых студентов, которые приходили только ради развлечений. Даже в начале Китайской Республики, когда университет уже стал символом «политической правильности», он оставался первым выбором для детей высокопоставленных чиновников и богатых купцов.

Хотя личность Ци Цунсюэ вызывала много споров, по сути, он, представленный влиятельным лицом (Тун Сюй), не сильно отличался от тех, кто поступал благодаря своим связям.

У Травинки не было намерения дразнить господина Туна, он сам едва не поддавался чарам господина Туна. Просто в отношениях между Травинкой и господином Туном всегда шёл процесс взаимного флирта [дайте мне смайлик «плачущий от смеха»]. Раньше говорили «Тедди-сэмэ», а в итоге сэмэ оказался полным образцом добродетели; теперь говорят «аскетичный сэмэ», ну же, все, скажите мне своими невинными глазами, что господин Тун — особенно честный и аскетичный, верно?

Да, этот Тигр — такой прямой парень, нет, животное~